

— Кто сказал, что в резиденции князя-защитника Севера некому заступиться?!

В резиденции князя-защитника Севера уже несколько дней пили отвары, но вдовствующая княгиня так и не смогла оправиться от простуды. Она спала, погружённая в забытие, и даже не могла заниматься делами поместья.

За городскими воротами загремели боевые барабаны. Маленький Хо Цзе, схватив свой короткий меч, ринулся наружу.

— Я тоже пойду убивать врагов!

Хо Юэ остановила брата, изящно изогнув брови.

— Тебе всего шесть лет, куда ты лезешь?

— В следующем году мне будет семь! — возразил Хо Цзе. — Нет, по восточному счёту мне уже семь! Брат в моём возрасте уже бывал на поле боя! И в этот раз, когда он вернулся, он меня учил, я знаю, что делать!

— Ты и сам сказал — на поле боя, а сегодня — оборона города! — Хо Юэ выхватила меч у брата.

Оружие для воина — это его жизнь. Хоть Хо Цзе и был мал, он бы так просто не отдал свой меч, но ведь это была его сестра. Боясь поранить Хо Юэ, он послушно разжал пальцы, но гнев его не утих.

— Нет, я всё равно пойду!

Хо Юэ рассердилась. Обычно тихая и спокойная, эта девочка в гневе становилась неузнаваемой: брови взлетали вверх, а лицо приобретало устрашающее выражение.

— Если я не соглашусь, ты что, начнёшь кататься по полу?

Хо Цзе виновато отвернулся.

— Хо Цзе! — голос сестры стал строже. — Посмотри на себя! Капризничаешь, не слушаешь приказов! Разве таким должен быть брат князя-защитника Севера?

Хо Цзе обиженно надулся, в его глазах заблестели слёзы.

— Сестра...

— Хватит, — Хо Юэ присела на корточки и вытерла его слёзы, её голос стал тише и мягче. — Мужчины нашей семьи все выходят на поле боя. Через несколько лет ты и захочешь, да не спрячешься. А сейчас — иди за мной и слушай приказы.

Хо Цзе послушно протянул руку сестре.

— Хорошо.

Мальчик так рвался в бой потому, что оборона города уже началась. Его старшего брата, князя-защитника Севера, не было дома, и он остался единственным мужчиной в семье. Хотя он и был мал, чувство чести в нём было велико, и он не хотел, чтобы их так унижали.

Вражеская атака была стремительной и яростной. Они были хорошо подготовлены: тараны, осадные башни, катапульты — всё было в их распоряжении. Вскоре они установили штурмовые лестницы, перекинули осадные мосты, а арбалетчики прикрывали их с тыла. Авангард, не щадя своих жизней, проложил себе путь вперёд!

Защитники Цзююаня, разумеется, тоже были не лыком шиты. Горящее масло, огромные камни, ливень стрел — все доступные методы обороны были пущены в ход! Однако оборона города — это не атака в чистом поле, тактических возможностей здесь было немного. Основа — удержание позиций. Цель была ясна, враг бил по ней непрерывно, не отступая, и защитникам приходилось стоять насмерть.

После недолгого боя обе стороны понесли потери, хотя у врага они были, конечно, больше. Ситуация была в пользу защитников. Но врагов было несметное множество, они лезли вперёд, не боясь смерти, забрасывая стены своими телами, готовые сражаться до последнего. Как можно было устоять против такого натиска?

Можно было продержаться час, можно было продержаться полдня, но что дальше? Такая тактика смертников создавала огромное психологическое давление на обороняющихся. Стоило боевому духу пошатнуться, и исход битвы мог кардинально измениться!

Снег понемногу утихал, небо прояснялось, но Гу Тин, так и не покинувший своего поста, чувствовал растущую тревогу.

Около полудня штурм прекратился. Момент был выбран крайне тонко — как раз тогда, когда в защитниках кипела ярость, которую они не могли выплеснуть в ответной атаке, и это вызывало особое раздражение.

Причина, которую называли враги? Обед! Поедим — и продолжим!

Гу Тин инстинктивно чувствовал, что здесь что-то не так, но не мог понять, что именно. Он не разбирался в военном деле, не знал, откуда пришли эти враги. Без информации, в полной темноте, он был бессилён что-либо проанализировать. Если бы только кто-то мог ему сейчас сказать, откуда они взялись...

Он не знал, что его надежда, его маленький друг Мэн Чжэнь, уже мчится к нему, не разбирая дороги, сквозь ветер и снег.

Мэн Чжэнь сбежал рано утром, оставив брату лишь записку. Он знал, что поступает своевольно, но он не плакал и не кашлял кровью. На душе у него было легко и радостно!

В сотне ли от него, Мэн Цэ, с лицом, потемневшим от гнева, развернул письмо. Строчки, выведенные по-детски округлым, милым почерком брата, гласили:

«Брату.

Проснувшись и не найдя меня, ты, конечно, поймёшь, куда я отправился, так что не буду много говорить. Прости, я, кажется, снова поступил своевольно. Ты говорил, что хочешь, чтобы я был счастлив и был самим собой, но я уже забыл, каково это. Я хотел быть послушным и не обременять тебя, но, кажется, ты уже привык к этому бремени. Я не смел громко плакать, я тихо кашлял кровью и прятал окровавленные платки, но ты, кажется, всё знал, потому что мои платки всегда исчезали, а на следующий день на их месте появлялись новые. Каждый раз, когда мне было плохо, я улыбался, чтобы показать тебе, что всё в порядке. Но я подумал, и понял, что ты, хоть и улыбался в ответ, словно я тебя утешил, на самом деле выглядел так, будто плачешь. Тебе тоже было больно.

Мне всегда казалось, что я многим тебе обязан. Кажется, ты думал так же.

Гу Тин сказал, что между друзьями не бывает долгов. Я должен ему немного, он — мне. Я отдам один раз, он — другой, и в конце концов уже не сосчитать, кто кому должен больше. Так и рождаются настоящее доверие и узы. Я думаю, с семьёй так же. Я не боюсь быть должным тебе и не считаю, что ты мне должен. Если ты думаешь иначе, значит, ты ещё не вырос, тебе нужно поразмыслить над собой.

Раньше у меня не было другой цели, кроме как слушать тебя и не быть для тебя обузой. Теперь я хочу стоять рядом с Гу Тином и сказать ему, где таится опасность, откуда она придёт. Если возможно, я очень хочу ему помочь. Гу Тин очень хороший. Он первый, кто не отнёсся ко мне свысока и подружился со мной без всякой выгоды. Он очень дорог мне, и я не хочу его терять. Я должен сам бороться за свою жизнь.

Эта мысль пришла мне ночью. Ночь была холодной, но мне не было холодно. Я сам укутался в одеяло, не кашлял кровью и не плакал. Я был очень счастлив. Ты, конечно, рассердишься на моё своеволие, но, зная, как я счастлив, ты не будешь огорчаться.

Не волнуйся за меня, брат, я буду в порядке. Я не глупый. Когда я раньше терялся, многие пытались меня похитить, но я всегда убегал. Я знаю, как себя защитить. Ты занят, дома важные дела, которые требуют твоего личного присутствия, не ищи меня. Я увёл твоего личного охранника, Чжэн Ши. Угрожал ему ножом, так что не вини его. Я ещё и все яды из твоей сумки прихватил. Себе я точно не наврежу, ты же знаешь. Я обещаю тебе, брат, что не буду делать ничего опасного. Если будет опасно, я в первую очередь позабочусь о своей жизни, не буду лезть на рожон и велю Чжэн Ши увести меня. Хорошо?

Вчера я думал всю ночь и понял: смысл нашей жизни не в том, чтобы быть послушными и не создавать проблем, а в том, чтобы стать теми, кем мы хотим быть. И ты ради этого боролся до сих пор. Я вырос. Всё, что у меня есть, — это благодаря тебе. Теперь я наконец стану таким, каким ты хотел меня видеть, стану лучше. Ты ведь горд за меня, правда?

Надеюсь, однажды я тоже смогу защитить тебя и стать твоей опорой».

В конце письма была нарисована жалкая, дрожащая кошечка, а рядом стрелка с подписью: «Когда я вернусь в этот раз, можно меня наказать не так сильно?»

Мэн Цэ, дочитав письмо, запрокинул голову и прикрыл глаза рукой.

Глупый брат, как он до сих пор не понял...

Всегда ты был моей опорой, тем, что помогало мне не потерять себя.

Всегда ты защищал меня, не давая сбиться с пути.

Мэн Цэ аккуратно сложил письмо и вышел из комнаты.

Охранник Чжэн Ши подошёл за приказаниями.

— Князь, догонять маленького господина?

— Нет, — Мэн Цэ прищурился, с тоской взглянув в сторону Цзююаня, и вскочил на коня. — Быстро разберёмся с делами дома и вернёмся за ним.

Его сокровище решило повзрослеть, и оно так счастливо. Как он мог ему помешать? Всю свою жизнь он желал лишь одного — счастья для брата. И если кто-то осмелится его обидеть, то пусть пеняет на себя.

Мэн Чжэнь мчался без остановки, его пухлое лицо было напряжено. Неизвестно, сколько времени прошло, но наконец вдалеке показались городские ворота!

Но город осаждали...

Мэн Чжэнь чуть не расплакался.

— Что делать? Можно перелезть через стену?

Вообще-то, нет, но раз маленький господин приказал, разве мог Чжэн Ши отказать? Если он ослушается, князь с него шкуру спустит. Нельзя так нельзя, а придётся!

— Маленький господин, подождите немного. Я подготовлюсь и найду возможность провести вас внутрь!

***

В Цзююане Гу Тин никуда не уходил, он оставался в своём углу и без аппетита ел.

Когда не знаешь, что за опасность тебе грозит, ты боишься и нервничаешь. Но когда она обретает форму, когда ты знаешь, что это такое и чем она может грозить, страх уходит. Потому что ты начинаешь думать, как с ней справиться.

Атака на город прекратилась. После обеда произошло нечто ещё более странное.

Из отряда всадников вышел мужчина средних лет с дружелюбным лицом и громко крикнул:

— Эй, вы там, на стене! В такую холодину кому охота воевать? Куда лучше — вкусная еда, тёплое вино и горячая постель! Мы пришли сюда не для того, чтобы захватить Цзююань. С нашими силами мы можем ворваться в город, но удержать его вряд ли сможем. Зачем нам наживать себе врагов среди мирных жителей, а?

Гу Тин медленно поднялся, заложив руки в рукава. «Началось», — подумал он.

Эта тактика была похожа на... кнут и пряник. Сначала ударили, теперь предлагают сладость. Но вот пряник ли это, и нет ли в нём чего-то ещё, — это уже другой вопрос.

И действительно, после приветствия этот мужчина перешёл к требованиям:

— Скоро Новый год, время семейных встреч. Мы, восхищаясь доблестью князя-защитника Севера и беспокоясь о том, что его семья осталась без присмотра, приглашаем вдовствующую княгиню с детьми Хо в гости. Мы обещаем заботиться о них и создать все условия, чтобы они чувствовали себя как дома, в ожидании воссоединения с князем! Если вы не будете нам мешать и передадите их нам, мы немедленно уйдём и не тронем в Цзююане ни одного кирпича,

ни одного жителя!

В ушах Гу Тина зазвенело. Он так и знал, что что-то не так! Вот оно что! Какие ещё гости? Красиво говорят, а на деле — это же угроза!

— Тьфу! — старый солдат на стене смачно сплюнул. — Только и знаешь, что нашим князем прикрываться! Ты кто такой? Да ты нашему князю и в подмётки не годишься!

Мужчина средних лет громогласно ответил:

— Я не тебя спрашиваю!

— Не меня, а я всё равно знаю! Убирайся отсюда подобру-поздорову! Не то что вдовствующую княгиню, сегодня из этих ворот никто не выйдет!

Мужчина рассмеялся.

— Легко тебе говорить, когда тебя это не касается. Я не тебя спрашиваю, а вдовствующую княгиню! Что, в резиденции никого не осталось, что ты за неё отвечаешь? Ты ей кто?

Оскорбление было слишком явным. Старый солдат, побагровев от гнева, натянул тетиву и выпустил стрелу. Но враг был хитёр: он стоял на таком расстоянии, что стрела до него не долетала. У старого солдата рука была сильная, и стрела полетела дальше обычного, но мужчина с ухмылкой отпрыгнул назад и увернулся.

— Эх, слабовата у тебя стрела, — съязвил он.

— Ах ты, негодяй!

Мужчина рассмеялся ещё громче.

— Да не кипятись ты так. Я же сказал, я не тебя спрашиваю. Если вдовствующая княгиня не может ответить, можно и у жителей спросить. Будь добр, передай мой вопрос жителям Цзююаня: что такого в том, чтобы сходить в гости? Неужели нельзя согласиться?

Внутри городских ворот уже собрались жители. Услышав это, один из них крикнул в ответ:

— Какого чёрта мы должны соглашаться?! Ты кто такой, чтобы мы тебе что-то давали? Совсем совесть потерял? Ты нас отцом назвал, что ли?

— Сегодня холодно, твой отец ещё и нужду справить не решается, боится замёрзнуть! Хочешь

попробовать? Свеженькое!

Все жители разразились хохотом. Барабанщик на углу стены так воодушевился, что забил в барабан ещё громче.

Мужчина снаружи не рассердился. Он стоял, заложив руки за спину, и с загадочной улыбкой продолжал:

— Когда князь-защитник Севера строил крепость на границе, думал ли он о сегодняшней осаде? Эй, парень, как бы громко ты ни бил в барабан, твой князь тебя не услышит. Он сейчас далеко, увяз в боях. А даже если бы и был рядом, тамошние барабаны бьют куда громче и сильнее твоих.

На мгновение воцарилась тишина.

Мужчина снова возвысил голос:

— Слушайте все внимательно! Мы сегодня получили смертный приказ. Лишних слов говорить не хотим. Раз уж нам всё равно не вернуться, если не выполним задание, так хоть прихватим с собой побольше народу на тот свет! Два часа! Если вы не выпустите вдовствующую княгиню, то мы пойдём на всё! Когда мы ворвёмся в город, мы вырежем всех! Я не оставлю в Цзююане ни женщин, ни детей, ни даже кур и собак!

Жители города замолчали.

Вырезать всех... Если они и вправду получили смертный приказ, то это вполне возможно. Если мне плохо, то и другим хорошо не будет — таких тёмных душ на свете немало.

Гу Тин тоже прекрасно понимал, что цель этого отряда — не захват города, а семья Хо Яня! И это точно не приглашение в гости. Стоит отдать им людей, и что будет дальше — угрозы или что-то ещё, — будет зависеть только от них.

Цзююань — хороший город, люди здесь дружные, но человеческие сердца — вещь хрупкая, их нельзя испытывать на прочность.

Плохо!

Внезапно его осенило. Гу Тин, подхватив полы халата, бросился бежать в сторону резиденции князя-защитника Севера. Юй Дачуня в городе не было, одной бешеной собакой меньше, но его люди-то остались! Что, если они решат воспользоваться моментом и устроить заварушку...

В жизни всегда так: случается самое худшее. Гу Тин опоздал.

Ворота резиденции князя-защитника Севера уже были окружены. Снаружи стояли жители, а внутри — люди в форме подчинённых Юй Дачуня. Во главе их стоял мужчина с длинной бородой и узкими глазами, с хитрым и подлым выражением лица. Напротив него, перед воротами резиденции, стояла девочка лет одиннадцати-двенадцати. У неё были ивовые брови и глаза феникса, взгляд — ясный и чистый. Она стояла одна, хрупкая и одинокая, но перед лицом столько взрослых на её лице не было и тени страха. Она была спокойна и негибаема.

Пробираясь сквозь толпу, Гу Тин по обрывкам разговоров понял, кто эти двое. Мужчина с длинной бородой и хитрым лицом — это Дао Аньжань, доверенный советник Юй Дачуня. А девочка перед воротами — это Хо Юэ, одиннадцатилетняя сестра Хо Яня.

Все действия Юй Дачуня были, по сути, идеями и планами Дао Аньжана. И сейчас, когда город осаждали, он, конечно же, отреагировал молниеносно. Он тут же привёл своих людей, чтобы «пригласить» вдовствующую княгиню. Он, вероятно, думал, что в резиденции некому принимать решения: единственный мужчина — шестилетний мальчик, старшая девочка — одиннадцатилетняя, ещё даже не помолвленная, какая от неё поддержка? Осталась одна старуха, что она может сделать? Лепи из неё что хочешь.

Но кто бы мог подумать, что эта маленькая Хо Юэ осмелится выйти вперёд? Какая смелость!

— Послушай, девочка, — медленно проговорил Дао Аньжань, — так дело не пойдёт.

Брови Хо Юэ были спокойны.

— О, так вы решили помочь защищать город?

Дао Аньжань не поддался на провокацию маленькой девочки. Он рассмеялся.

— Девочка, ты знаешь, что ваше решение может спасти целый город?

Хо Юэ посмотрела на него, её голос оставался спокойным.

— Мой брат спасал этот город бесчисленное количество раз. И в этот раз спасёт.

Дао Аньжань покачал головой.

— Но в этот раз он не вернётся. Они всего лишь просят твою бабушку съездить в гости, что в этом такого? Столько людей смотрит, её примут со всеми почестями. Что они могут сделать? Убить вас, что ли? Если твоя бабушка не поедет, они ворвутся в город и убьют здесь всех. Если поедет — они тут же отступят, и все будут в безопасности. Выбор очевиден, не так ли?

Хо Юэ плотно сжала губы. Она хотела что-то сказать, но Дао Аньжань перебил её, повисив

голос:

— Если ваша резиденция князя-защитника Севера лишена сострадания и не желает думать о народе, то эта война — из-за вас! Все, кто здесь погибнет, будут на вашей совести!

Лицо Хо Юэ мгновенно побледнело.

Гу Тин не мог больше этого выносить.

— Какой искусный советник! Так ловко призываешь к щедрости за чужой счёт, сколько раз уже так делал? Взрослый мужчина, а пугаешь маленькую девочку, тебе не стыдно? С каких это пор... — он обвёл взглядом толпу и громко произнёс: — мы, сталкиваясь с бедой, не осуждаем злодеев, а виним невинных в том, что они не хотят им потакать?

При этих словах на площади воцарилась тишина.

Видя, как девочка сжимает кулачки, а в её глазах блестят слёзы, Гу Тин шагнул в сторону и плотно заслонил её собой, чтобы Дао Аньжань, этот отвратительный тип, не мог её видеть.

— Отправят их — будут они гостями или заложниками, останутся в живых или нет? Другие, может, и не знают, но ты, советник, который постоянно крутится возле Юй Дачуня, не можешь не знать! Хватит здесь давить высокими словами! Обижать детей — что за доблесть? Если есть смелость — давай со мной!

Хо Юэ подняла голову и посмотрела на спину перед собой. Он был не таким высоким и мощным, как её брат, очень худым, но от него исходила та же аура, что и от брата. Он стоял, не сгибая плеч, не сутулясь, как молодой бамбук, который никогда не согнётся и не сломается.

Шмыгнув носом, Хо Юэ незаметно вытерла слёзы.

Дао Аньжань прищурился.

— Ты кто такой? В резиденции князя-защитника Севера некому заступиться, что ты, посторонний мужчина, лезешь вперёд?

— Кто сказал, что в резиденции князя-защитника Севера некому заступиться? — Гу Тин произнёс «в моей резиденции» и, достав нефритовый свисток, помахал им перед старым управляющим, стоявшим неподалёку за спиной девочки. — Разве я не свой?

Старый управляющий, увидев свисток, улыбнулся ещё шире и, сложив руки, поклонился.

— Молодой господин Гу — хозяин нашей резиденции. Все в поместье беспрекословно ему подчиняются.

Толпа ахнула.

— Так это... тот самый? Любимец князя?

— Точно, тот самый, сокровище ненаглядное! Говорят, они на днях поссорились, друг с другом не разговаривали. Ходили слухи, что это всё неправда, что они никогда и не были вместе...

— Как это не были? Вон, смотрите! Залоговый предмет есть, старый управляющий его хозяином признал! Кто ещё может таким похвастаться? Та же госпожа Сюй, например?

— Князь, оказывается, такой верный! Так быстро определился, ещё и статус дал...

— Да какой там верный, это доверие! Он явно признал в господине Гу управляющего!

Голоса были такими громкими, что Дао Аньжань не мог сделать вид, что не слышит. Его лицо потемнело.

— Так что же, по-вашему, делать, господин Гу?

— Ничего, — Гу Тин высокомерно вздёрнул подбородок. — Люди снаружи какие-то невежливые. Приглашают, а меня пропустили. Я что, не человек? Нет, я недоволен. Сегодня из этих ворот никто не выйдет!

— Ты...

Дао Аньжань хотел было ткнуть в него пальцем и накричать: «Да кто ты такой?», но тот так открыто признал свой статус, так нагло себя вёл, что у него просто не нашлось слов. Он привык давить на людей с высоты морали, но если он сейчас попробует сделать то же самое, его самого же и задавят...

Он повернулся к Хо Юэ.

— Ты — законная госпожа семьи Хо! Неужели ты позволишь какому-то проходимцу командовать тобой?

Хо Юэ легонько потянула Гу Тина за рукав и, подняв на него глаза, сказала:

— Брат говорит, что я девочка, и мне не следует разговаривать с теми, у кого грязный язык.

Девочка была так мила, что Гу Тин едва не рассмеялся. Если бы не приличия и не её возраст, он бы непременно потрепал её по голове.

— Точно! Твой брат абсолютно прав! Мы, девочки, должны быть элегантными, чистыми и воспитанными. Нельзя опускаться до уровня грязных во всех смыслах черепах.

Дао Аньжань взорвался.

— Гу Тин, кого ты черепахой назвал?!

Гу Тин медленно и плавно ответил:

— О, я назвал тебя? А ты так быстро отозвался?

— Да мне какое дело до ваших проблем! Если такие смелые, разбирайтесь сами, не зовите на помощь! — Дао Аньжань, взмахнув рукавом, удалился. — В конце концов, умирать будут жители города, а не я!

Он всё продумал. Достигнет он своей цели или нет — неважно. Достигнет — семье Хо конец. Не достигнет — город будут осаждать, жители испугаются, общественное мнение будет на его стороне. Он не из Цзююаня. Победит — ему зачтётся, что предупреждал. Проиграет — он не виноват. Можно подливать масла в огонь, а если не получится — не страшно, впереди ещё большая война!

Дао Аньжань ушёл, но его шпионы остались. Остались и жители города. Гу Тин так разыграл эту сцену, даже достал нефритовый свисток, и старый управляющий признал его своим, так что если он сейчас не войдёт в резиденцию князя-защитника Севера, это будет выглядеть странно.

Но если он войдёт... что он скажет? Как объяснит? Что у них с Хо Янем не такие отношения, что он просто притворяется? Услышав это, вдовствующая княгиня не захочет ли с него шкуру содрать?

Ноги Гу Тина немного подкосились. Но даже если его отругают, даже если побьют, сейчас главное — оборона города. Важные дела нельзя откладывать...

Опустив глаза, он увидел обеспокоенный взгляд девочки. Гу Тин улыбнулся.

— Не бойся. Меня зовут Гу Тин, я друг твоего брата. У меня есть план, как разрешить эту ситуацию.

<http://bllate.org/book/15878/1588342>